

«КИТАЙСКОЕ ЧУДО»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ИЛИ О ЧЕМ ПОЙДЕТ РЕЧЬ В ЭТОЙ КНИГЕ

Системные преобразования в Китайской Народной Республике продолжаются уже более трех десятилетий. Истоки «китайского пути», его направление и динамика, соотношение спонтанного и просчитанного, радикального и постепенного, критерии успехов и неудач, применимость в других странах и даже его «всемирно-историческое значение» неизменно вызывают огромный интерес, разнообразные дискуссии и уже давно стали объектом широкого, порой безудержного теоретизирования.

С другой стороны, мне думается, что по-прежнему сохраняют актуальность строки, написанные почти два десятилетия назад известным китайским экономистом Шэн Хуном: «Вплоть до настоящего времени исследования <реформы. — М.К.> остаются на стадии обыкновенной теории, которой крайне недостает эмпирических оснований. Получить общее представление о таких содержательных переменах в области человеческих отношений и общественных норм можно лишь путем их непосредственного восприятия» [Шэн Хун, 1996, с. 80].

Здесь, впрочем, наблюдается интересная закономерность. Лавинообразный рост объемов самой разнообразной информации о Китае в последние десятилетия, равно как и не менее динамичное увеличение профессионального и популярного спроса на нее, не привели — по крайней мере, пока — к формированию целостной и внутренне непротиворечивой картины того, как и в каком направлении движется современный Китай. Эта картина отсутствует как у апологетов «китайского пути», так и у скептиков. Иными словами, и у первых, и у вторых всегда найдутся в запасе достаточно убедительные аргументы для того, чтобы дезавуировать определенный образ Китая, предлагаемый оппонентами.

В отечественном КНРоведении дела обстоят особенно непросто. Идеологическое и мировоззренческое наследие советского периода, а также остро пережитая драма распада СССР и трудности постсоветских реформ постоянно подталкивают многих исследователей к вольной или невольной апологетике «китайского пути». В нем склонны видеть едва ли не «упущенный шанс Горбачева», а те реформы Дэн Сяопина, которые на рубеже 1970–1980-х гг. жестко критиковались в СССР, в том числе и профессиональными китаеведами, как «отступление от социализма», теперь превозносятся — зачастую теми же самыми людьми — как «глубоко продуманная и успешная стратегия».

Впрочем, и у наших западных коллег, несмотря на более фундаментальный научно-методологический задел и значительные материальные возможности, пазл современного Китая отнюдь не сложился. Отсюда периодически звучащие из уст видных американских и западноевропейских синологов признания о «состоянии неопределенности», в котором пребывает современное КНРоведение [Dittmer, Hurst, 2002].

В середине 1990-х гг. видные китайские экономисты Линь Ифу, Цай Фан и Ли Чжоу выпустили совместную книгу под названием «Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа», в которой с позиций экономической неоклассики пытались дать обобщающую и динамическую картину рыночных преобразований в КНР. Скажем сразу: несмотря на ряд серьезных достоинств, эта книга отнюдь не внесла окончательной ясности в вопрос о том, что происходит или что будет происходить в современном Китае. Более того, с нашей точки зрения, кое в чем она сделала этот вопрос еще более запутанным. Однако само словосочетание «китайское чудо» быстро получило чрезвычайно широкое распространение в мировой научной и популярной литературе и в публикациях СМИ. Смысл и значение этого понятия в интерпретациях его пользователей не сильно отличались от того, что предлагали считать «китайским чудом» Линь Ифу с соавторами.

Знакомство с отмеченной книгой, равно как и с большим количеством научных и популярных публикаций, идущих так или иначе в ее «кильватере», дает основание считать, что китайские и зарубежные эксперты, политики и журналисты склонны видеть «чуждость» «китайского пути» в следующих двух плоскостях.

Во-первых, это сохраняющиеся на протяжении более трех десятилетий рекордно высокие темпы экономического роста. Среднегодовые значения этого роста за весь период рыночных реформ в КНР не опускались ниже 9%. Данное обстоятельство, наряду с исторически беспрецедентной повышательной динамикой общей социально-экономической

модернизации совокупной мощи Китая, является, по мнению многих наблюдателей, ключевым и наиболее очевидным показателем, которое дает основания для характеристики развития КНР в категориях «чуда».

Вторая плоскость понимания «китайского чуда», с нашей точки зрения, более существенна и интересна. Кроме того, она — в силу своей дискуссионности, идейно-политической остроты и объективной сложности для вычленения, объяснения и восприятия — заметно менее четко артикулируется в существующей литературе. И тем не менее, эта плоскость подспудно присутствует как в книге Линь Ифу, так и в большом числе других работ, посвященных развитию современного Китая. Эта вторая плоскость понимания «китайского чуда» вольно или невольно существует также в умах многих китайских и зарубежных экспертов и наблюдателей, даже если по тем или иным причинам и не высказывается со всей определенностью. Речь идет о том, что столь впечатляющая динамика экономического роста, расширения сферы рыночных отношений и модернизации в КНР имели и имеют место в стране, которая на уровне официальной идеологии продолжает придерживаться концепции и ценностей социалистического строительства. Более того, политическая система современного Китая в полной мере сохраняет институты и практики партийного государства ленинского типа. В этом государстве руководящая коммунистическая партия, построенная по известному из истории КПСС территориально-производственному признаку, не просто контролирует, но непосредственно подчиняет себе и интегрирует все ключевые государственные и общественные организации, а также субъектов экономической деятельности. Кроме того, есть основания полагать, что степень этого подчинения и интеграции в современной КНР, несмотря ни на какие рыночные реформы, не только не ниже, но кое в чем даже выше, чем некогда в СССР и в других бывших европейских странах «победившего социализма». Это «выше» касается в первую очередь объема практических полномочий партийных организаций в государственных, общественных и производственных субъектах системы.

Не секрет, что большинство социалистических страны Европы, включая и Советский Союз, на протяжении десятилетий экспериментировали с рыночными реформами. Некоторые из европейских соцстран, прежде всего Венгрия и бывшая федеративная Югославия, достаточно далеко прошли по пути этих экспериментов. Настолько далеко, что рассматривались либеральными реформаторами социализма из менее в этом смысле продвинутых Москвы, Берлина, Праги и Варшавы как своего рода образцы для подражания.

Однако эти реформы не переросли в «мирную эволюцию», не спасли венгров от системного кризиса и распада, а югославов — и от разрушительной и кровопролитной войны. Фундаментальные работы политологов и историков, посвященные, к примеру, причинам югославской трагедии 1990-х гг., показывают, что реальным триггером острого вооруженного конфликта в этой стране выступили отнюдь не только этнические или конфессиональные противоречия и не «старые счеты» Второй мировой войны между сербами и хорватами. С точки зрения механизма возникновения кровопролития гораздо более существенной оказалась структура и динамика взаимодействия институтов партийного государства ленинского типа в стране, вынужденной на деле реализовывать принципы федерализма. В частности, речь идет о месте, роли и соотношении влияния федеральных и республиканских партийных организаций, государственного руководства на различных уровнях и командования федеральных и республиканских вооруженных формирований [Bunce, 2000; Месич, 2013]. Иными словами, оказывается, что и здесь вопрос не столько к истории и культуре, сколько к институтам и практике «реального социализма».

Но даже там, где, как в Венгрии, Польше или бывшей Чехословакии, не пролилось ни капли крови, и нелегитимные в глазах общества компартии были отстранены от власти в ходе свободных выборов, даже там не приходится говорить о плавной реформе и реструктуризации государства ленинского типа. Уход компартии, отрыв ее от государства везде принимал форму институциональной деструктуризации, то есть социально-политической революции и происходил на фоне глубокого экономического спада, так называемой «трансформационной рецессии». Революция — это отнюдь (слава богу!) не обязательно трупы, баррикады и штурм правительственных зданий. Кстати сказать, столь экстремальные обстоятельства «смены режима» имели место, как известно, лишь в Румынии. Революция — это, прежде всего, качественная, структурная и динамическая характеристика общественных изменений. И в этом смысле во всех без исключения бывших соцстранах Европы и в бывшем СССР на рубеже 1980–1990-х гг. произошли именно революции.

В середине 1990-х гг. в ряде стран Центральной и Восточной Европы, прежде всего в Венгрии, Чехии и Польше, предпринимались весьма любопытные исследования, целью которых было выяснение воздействия последствий рыночных реформ, проводившихся еще при «победившем социализме», на ход, темпы, последовательность и глубину посткоммунистической трансформации.

Указанные страны выделялись в бывшем восточном блоке сравнительно высоким уровнем благосостояния (в сравнении, скажем, с Румынией или СССР), но ощутимо различались между собой по масштабу и глубине инициированных компартиями рыночных реформ. В Венгрии такие преобразования начались еще в 1950-е гг. и, развиваясь циклически и неравномерно, охватили тем не менее значительное общественное пространство. В бывшей ЧССР краткосрочная Пражская весна пала под гусеницами советских танков летом 1968 г. Реформы были резко остановлены и пребывали в коме вплоть до конца 1980-х. Коммунистическое руководство Польши, также опасаясь советского вторжения, существенно «подморозило» инициированное было строительство «социализма с человеческим лицом». Однако температура «заморозков» была всё же несколько выше, чем в реально пережившей «братскую» интервенцию Чехословакии.

В умозрительном плане логично было предположить, что в тех странах, где рыночные реформы в той или иной мере начали осуществляться еще при коммунистах, последовавшие за бархатными революциями радикальные социально-экономические преобразования должны были бы проходить не столь болезненно и более быстро.

Результаты проведенных исследований оказались несколько обескураживающими даже для специалистов. Выяснилось, что какая-либо положительная зависимость между накопленным опытом социалистических реформ и степенью адаптации общества к посткоммунистическим изменениям в целом отсутствует. Иными словами, даже в относительно благополучных, в территориальном и историко-культурном отношении близких, но разных по опыту реформ странах Центральной и Восточной Европы полномасштабное становление рынка и демократии проходило болезненно и неравномерно. Конкретные структурные факторы и причины драматизма фундаментальной общественной трансформации в разных странах были, конечно, не одинаковы. Однако эти различия не позволяют однозначно говорить о сравнительной легкости перехода для изначально «более рыночных» обществ и сравнительной трудности для тех, кто в силу исторических причин оказался обделен опытом «реформированного социализма» [Lorentzen, Widmaier, Laki, 1999].

Повсеместно революционный характер посткоммунистических преобразований, равно как и их сопоставимый драматизм в различных по рыночной составляющей бывших соцстранах наводит на мысль, что система «реального социализма» обладает некими общими чертами, которые

настолько снижают адаптивные способности государства ленинского типа, что делают его в конечном счете не реформируемым.

Институциональный и социально-экономический крах всех без исключения европейских государств ленинского типа является неоспоримым фактом, от которого невозможно отмахнуться и который требует научного осмысления через призму не только истории и культуры, но и системного экономического и политологического анализа. К слову сказать, такой анализ в полной мере не проведен до сих пор.

На этом фоне реформы в Китае предстают как «история успеха» отнюдь не только с точки зрения рекордной динамики роста ВВП. Индустриализация и масштабное инфраструктурное строительство в КНР, сопровождаемые существенным расширением сферы рыночного регулирования в национальной экономике при сохранении в неприкосновенности (и даже укреплении!) институтов партийного государства ленинского типа выглядят как нечто из ряда вон выходящее. Здесь и лежит вторая отмеченная нами плоскость восприятия «китайского пути» как чуда.

Отмеченное «чудесное» обстоятельство может иметь два логических объяснения. Первое состоит в том, китайские реформы пока не затронули тех звеньев системы, которые являются ее внутренними скрепами, и, следовательно, КНР еще предстоит пройти через этап структурного кризиса государства ленинского типа. Однако для того чтобы стать в полной мере убедительным, данное объяснение нуждается в глубоко и структурно разработанном эмпирическом подтверждении. Неоспоримо, что по степени радикальности и глубины рыночная трансформация в современном Китае уже сейчас оставила далеко позади все имеющиеся в истории аналоги «реформированного социализма», в частности, опыт венгерских и югославских преобразований. Это касается структуры и характера реформ в сферах ценообразования, малой приватизации, акционирования госсобственности и создания фондового рынка, а также в области сельского хозяйства.

Таким образом, напрашивается второе возможное объяснение. В КНР за прошедшие три десятка лет удалось то, что не получилось ни в одной из европейских социалистических стран. Фундаментальный переход к рыночному регулированию социально-экономической жизни оказался возможным при сохранении и — более того — при поддержке институтов партийного государства ленинского типа. Рынок и социализм, оказывается, вполне системно совместимы. При этом такая генетическая трансформация произошла не революционным, а эволюционным путем, то есть без драматической ломки политических институтов и идеологии, без

острого социального кризиса и глубокого экономического спада. Рыночная трансформация и параллельная ей модернизация привели не к упадку и дезинтеграции, а к укреплению и консолидации институтов партийного государства и совокупной государственной мощи.

Если положение вещей в самом деле таково, то перед нами нечто совершенно беспрецедентное. В этом случае «китайский путь» реформ приобретает поистине всемирно-историческое значение. Вот оно, китайское чудо без всяких кавычек!

Однако и это второе логически возможное объяснение требует фундаментальной эмпирической проверки. Здесь, как и в первом случае, необходимо предметно разобраться, что это за «системные скрепы социализма», которые в странах европейского восточного блока и в СССР оказались непреодолимыми для коммунистов-реформаторов, а в Китае смогли быть либо обойдены, либо постепенно трансформированы? Почему в Европе рыночное преобразование социализма, застопорившись, обвалилось, а в КНР, как полагают многие наблюдатели, идет по нарастающей? Наконец, можно ли рассматривать сложившуюся в Китае модель социально-экономического и политического устройства как устойчивую, обладающую лучшими, чем в бывших европейских соцстранах, адаптивными способностями?

На пути верификации обеих гипотез стоят очень значительные препятствия как технического, так и методологического свойства. К первым относятся в первую очередь огромный объем и структурная сложность материала.

Методологические же трудности не менее, а, возможно, и более серьезны. Концептуальное наследие советологии — опыта изучения и осмысления истории развития систем ленинского типа в СССР и Восточной Европе — подверглось после распада Советского Союза и восточного блока уничтожающей критике и ныне за кажущейся неактуальностью по большей части предано забвению. Ссылаться на теоретические работы советологов в наши дни не модно и, пожалуй, может даже быть контрпродуктивным для исследователя в «большой западной науке». Есть риск прослыть реакционером и уж почти наверняка очутиться за рамками либерального, глобалистского и девелопменталистского мейнстрима. Причина такого положения вещей между тем не лишена исторической иронии. В свое время вполне «либеральный» и «девелопменталистский» мейнстрим советологии оказался не в состоянии предвидеть и объяснить крах восточноевропейских государств ленинского типа. Это обстоятельство было воспринято многими обществоведами в США и Западной

Европе как «целостная катастрофа западной академической науки» и поставило жирный крест на всей советологии и профессиональных карьерах многих советологов [Malia, 1992]. Их просто перестали воспринимать в достаточной степени серьезно.

Проблема, однако, состоит в том, что при всех несомненных теоретических и эмпирических просчетах советологов мировое обществоведение вплоть до сегодняшнего дня не имеет какого-либо иного вразумительного опыта осмысления истории и динамики развития реального социализма. Интересно, что современное западное КНРоведение, уже давно разорвав свои связи с советологией и даже как бы стесняясь их наличия в прошлом, воспроизводит ныне, по сути дела, все ключевые подходы, концепции и школы канувшей в лету советологии [Lieberthal, 2003; Gilley, 2004; Pei, 1994, 2006; McCormick, 1990, 1994]. Очевидно, изучение систем ленинского типа имеет свою семантическую природу, диктуемую природой объекта изучения.

Впрочем, в изобилии имеются примеры того, что, изучая современный Китай, вполне можно абстрагироваться от того факта, что вы имеете дело с государством ленинского типа. Так поступают в большинстве своем авторы — приверженцы как экономического мейнстрима, так и концепции *developmental state*. Работая в системе координат, где определяющими понятиями и величинами выступают глобализация, модернизация, темпы роста ВВП и развивающиеся рынки, эти специалисты склонны относиться к политической системе КНР как к сугубо технической совокупности явлений, специфической институциональной среде, имеющей, кроме того, ряд важных инструментальных достоинств, в частности, для широкого привлечения иностранных инвестиций. Здесь «китайское чудо» понимается, прежде всего, а иногда и исключительно, как чудо роста, а монополия компартии на власть — как экзотическая и в ценностном отношении чуждая, но неизбежная, а кое в чем даже полезная вещь [White, 1993]. Иными словами, для этой группы экспертов партийное государство ленинского типа в КНР не является фундаментальной проблемой и даже объектом изучения. Оно, в сущности, не более чем конкретное институциональное воплощение девелопменталистского государства. Характерно, что за прошедшую пару десятилетий в свет вышли тысячи книг и статей, в которых рыночные преобразования в Китае рассматриваются вне системного контекста однопартийного правления [Kelly, Rajan, Goh, 2006; Guthrie, 2009].

Не менее показательным и то, что критика концепции *developmental state* в применении к КНР — с доминирующих позиций неоклассики или

неомарксизма — в современных экономических исследованиях и в политологии разворачивается в основном не по линии анализа отличительных особенностей государства ленинского типа. Скептики указывают, прежде всего, на такие факторы, как отношения между трудом и капиталом, на социальную и демографическую структуру Китая и невозможность реализовать «китайский путь» модернизации в других странах.

Тем не менее, вопрос о том, произошло ли «китайское чудо» в системном смысле, то есть удалось ли китайской компартии действительно решить тот комплекс фундаментальных и тесно взаимосвязанных социально-экономических и идейно-политических проблем, которые не поддались решению в бывшем СССР и соцстранах Европы, сохраняет свою практическую и научную актуальность. Более того, эта актуальность растет. Без ответа на поставленный вопрос невозможно разобраться в многочисленных и подчас полярно противоположных прогнозах относительно перспектив развития самой многонаселенной страны мира, декларирующей приверженность социализму и до сих пор руководимой партийным государством ленинского типа.

Предлагаемая книга попытается определить теоретическую логику и наметить эмпирическую последовательность поисков решения этой дилеммы.

В первой части работы речь пойдет о типологии систем ленинского типа и проблематике «пределов реформ» в институтах и практике реального социализма через призму наработок советологии и современного КНРоведения. Для отечественной китаистики постановка проблемы в таком ключе представляется новаторской. Насколько нам известно, в нашей стране пока нет работ, посвященных развитию системных преобразований в КНР в подобном широком сравнительно-методологическом плане. В мировой синологии также ощущается недостаток подобных подходов.

В фокусе второй части работы — структурные особенности и динамика рыночной реформы ценообразования в КНР и ее социально-экономические, политические и институциональные последствия. Выбор этого сюжета определяется тесно взаимосвязанными обстоятельствами методологического и практического свойства.

С одной стороны, реформа цен, включая цену на капитал, во всех без исключения соцстранах является ключевым и одновременно одним из самых глубоких и трудных преобразований, определяющим кардинальное изменение логики поведения хозяйственных и политико-административных субъектов системы [Kornai, 1992]. Эмпирический опыт

«реформированного социализма» как в Восточной Европе, так и в КНР дает основания заключить, что в сфере ценообразования технически заложена главная путевая стрелка, переводящая экономические локомотивы системы с командно-административных рельсов на рыночные. При этом угол положения рычага этой стрелки имеет важнейшее значение для общего состояния и динамики всей системы не только в сугубо экономическом, но и в широком социально-политическом смысле. Иными словами, этот угол положения рычага ценообразования не только определяет направление реформ, но и сам определяется предпосылками, глубиной и характером уже осуществленных общественных и институциональных изменений.

С другой стороны, опыт рыночной реформы ценообразования в КНР с точки зрения своей последовательности, механизма, структуры и динамики является поистине уникальным для всех без исключения стран. В Китае, в отличие от бывших «народных демократий» в Венгрии и Югославии, реформа цен с самого начала и неизменно опережала преобразования в системе общего управления экономикой, финансами и государственной собственностью и, по сути дела, заложила фундамент рыночного социализма с китайской спецификой. Более того, по нашему убеждению, ответ на будоражащий умы вопрос о применимости «китайского пути» в бывшем СССР следует искать в плоскости выяснения возможности (или невозможности) осуществления перестроечной реформы ценообразования по китайскому образцу.

Предлагаемый нами взгляд на реформу цен в КНР как на путеводную основу всего процесса рыночных преобразований в этой стране также является во многом новым для отечественной китаистики, склонной подходить к этому сюжету как к важной, но скорее технической и инструментальной проблеме [Жигулева, 2006]. Существующие за рубежом крупные работы по реформе цен в соцстранах вообще и в КНР в частности, как будет показано ниже, нуждаются в определенных уточнениях и переосмыслении [Kornai, 1992; Naughton, 1994; Fan Gang, 1996; Zhang Yu, 1997; Csanadi, 2006; Zhang Jun, 2006].

Третья часть книги посвящена определению и характеристике тех фундаментальных институтов и практик партийного государства ленинского типа в современной КНР, которые, по нашему мнению, скрепляют в единое целое общественно-экономическое пространство рыночного социализма с китайской спецификой. Предпринятый анализ структуры и динамического состояния этих скреп позволяет, на наш взгляд, сформулировать ответ на главный вопрос: состоялось ли «китайское чудо»

в системном смысле? Удалось ли реформаторам в КНР обойти или эволюционно трансформировать те фундаментальные, генетические диспропорции и противоречия реального социализма, которые в европейских соцстранах и в бывшем СССР пришлось преодолевать революционным путем? На основании ответов на эти вопросы в третьей части работы сформулирован вывод о типологии социально-экономического и политико-институционального устройства современного Китая.

В четвертой части исследования речь идет о структурных и динамических факторах, которые при определенных обстоятельствах могут привести КНР в будущем к системному кризису. Отталкиваясь от анализа этих факторов, мы предпринимаем попытку моделирования механизма одного из наиболее вероятных, по нашему мнению, сценариев возникновения такого кризиса.

